

ЗАКАТ ЕДИНОВЛАСТИЯ: АМЕРИКА В МИРЕ БЕЗ ГЕГЕМОНА

А.Ю. Борисов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена анализу основных факторов формирования и эволюции мирового порядка после окончания холодной войны, распада СССР и выхода США на позиции державы-гегемона, архитектора однополярного мира.

Почему период американской гегемонии оказался столь неустойчивым и недолговечным? Что помешало США сплотить под своей эгидой других крупных игроков на геополитическом поле, включая Россию и Китай? Какие поучительные уроки прошлого из истории формирования миропорядка оставили без внимания в Вашингтоне? Эти и другие вопросы поставлены автором и на них дан обстоятельный ответ с привлечением как исторических, так и актуальных источников.

Автор видит свою задачу в том, чтобы рассмотреть основные события затронутой темы «на стыке эпох», при переходе от старого к новому состоянию международных отношений, когда начался закат американской гегемонии и обозначались контуры нового миропорядка. В этой связи интересен анализ добровольного перехода Великобритании во время Второй мировой войны на позиции «младшего партнёра» Вашингтона и формирование «особых отношений» в англо-саксонской семье после стольких лет британского имперского господства в мире. Имеет ли это значение применительно к сегодняшнему дню на фоне упадка Соединённых Штатов и сокращения их возможностей доминирования в мире?

Другой интересный вопрос, затронутый автором, касается упущенных возможностей США и СССР по кооперированию в рамках послевоенного мироустройства в духе геополитической схемы «великого замысла» президента Рузвельта, учитывающей интересы безопасности СССР. Историческая аналогия здесь очевидна. Если тогда конфликт между бывшими союзниками по коалиции привёл к холодной войне, то в наше время стремление США «поставить на место» Россию дало обратный эффект и возвестило закат однополярного мира. Не оправдались и расчёты США интегрировать в систему американского единовластия на правах «ответственного акционера», а проще говоря, зависимого партнёра, и Китай, использовавший Вашингтон в интересах своей модернизации и вытесняющего его из сферы своего влияния в Азии. Основной вывод: однополярный мир не состоялся и идёт медленное, но неуклонное формирование не иерархическо-сословной, а более равноправной и сбалансированной миросистемы с элементами полицентричности, где явно просматривается конец эпохи единоначалия или традиционной смены одного гегемона другим.

Ключевые слова: миропорядок, однополярный, Хубрис, многополярный, полицентричный, гегемонизм, США, Россия, Китай, геополитика.

УДК 397

Поступила в редакцию 19.03.2018 г.

Принята к публикации 04.06.2018 г.

Вопрос о силах, формирующих мировой порядок, относится к числу ключевых в международных отношениях. От того, на какой основе строится миропорядок – на фундаменте международного равновесия или всевластии новоявленного гегемона, зависит состояние мировых дел, а нередко и ход самой истории. Ещё на заре французского абсолютизма с укреплением наций-государств принято было противопоставлять принцип «равный среди равных» (*parēs inter parēs*) принципу «первый среди равных» (*primus inter parēs*) в качестве политического выбора.

Из истории хорошо известны последствия того или иного рокового выбора политиков для судеб людей. В современном мире только ставки стали ещё намного выше. Вот почему тема схождения США с мирового Олимпа и создания вследствие этого новой, более равновесной системы вызывает повышенный интерес. Автор постарался проследить, пользуясь методом исторического анализа, объективные закономерности ослабления роли США в качестве мирового гегемона в период однополярного мира, допущенные ими стратегические ошибки и просчёты в отношениях с Россией и Китаем, повлекшие за собой глобальную перегруппировку сил в сторону создания многополярного мира.

«История не повторяется, но она часто рифмуется», как остроумно заметил Марк Твен. А от себя добавим, что исторические аналогии не редко бывают весьма поучительны.

Последний вице-король Индии лорд Маунтбэттон, перед тем как навсегда распрощаться с «жемчужиной британской короны», обретшей после Второй мировой войны независимость, посетил отца индийской нации Мохандаса (Махатму) Ганди. Видимо, не в силах сдержать переполнявшие его чувства, он в ходе беседы со свойственным английскому аристократу высокомерием высказался в том духе, что после ухода англичан в Индии «воцариться хаос». На что его собеседник с присущим ему чувством юмора ответил: «Да, но это будет наш хаос» [11].

Хубрис – злой дух политиков

Сегодня в атлантических кругах на самых различных уровнях стало привычно слышать пропагандистскую мантру, что, мол, отказ Соединённых Штатов от глобального доминирования (вынужденный или добровольный) приведёт к катастрофическим последствиям для международных отношений и обернётся чуть ли не вселенскими беспорядками. Авторы таких прогнозов явно путают закат либерального миропорядка, созданного США после Второй мировой войны и легкомысленно приравненного с окончанием войны холодной к «концу истории», с мировым Апокалипсисом точно так же, как англичане в середине прошлого века не могли поверить, что подвластные им туземцы, сбросив «бремя белого человека», сумеют построить новую жизнь.

Можно сказать, что в истории международных отношений, особенно с появлением национальных государств, проблема мирового порядка со все-

ми его постоянными трансформациями, взлётами и падениями, сменой лидеров на протяжении веков являлась ключевой и системообразующей темой. Лучшие умы человечества мечтали об «идеальном» миропорядке, прежде всего, об исключении войн из жизни людей. Но действительность была иной. История миропорядка – это история, написанная кровью больших и малых войн, «борьбы престолов» за господство, триумфом победителей и трагедией побеждённых.

Одним из первых, кто вдохновился этой темой смены лидеров был греческий историк V в. до н. э. Фукидид, который исследовал историю Пелопонесских войн между Афинами и Спартой как неизбежный конфликт между восходящей и слабеющей державами, между противниками статус-кво и его охранителями. Согласно Фукидиду, «истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать». С лёгкой руки американского профессора Грэма Эллисона, этот эпический сюжет из античной истории получил современную окраску и стал широко известен под понятием «ловушка Фукидида».

Сама же тема смены мировых лидеров, упадка одних и восхождения к вершинам власти других неизменно с тех пор привлекает своих исследователей. Неслучайно Генри Киссинджер – патриарх американской дипломатии и исторической науки, как бы подводя итог своей долгой политической карьере, отдал должное этой теме и на закате жизни лаконично озаглавил свой фундаментальный труд «Мировой порядок». «Наш век настойчиво, а временами даже отчаянно, – пишет он, – пребывает в поисках концепции мирового порядка» [16].

Неужели за столько лет не удалось прийти к какому-то единому мнению на сей счёт? При всём многообразии исторических ситуаций и примеров, при всём богатстве исторического опыта нельзя сказать, что сегодня существует разделяемая всеми «волшебная формула» создания идеального миропорядка. Хотя из сопоставления исторических эпох, начиная с Pax Romana, со всей убедительностью следует, что выбор всегда был достаточно узким и определялся амплитудой между единовластием и равновесием сил. И то, и другое, как правило, сопровождалось отчаянной вооружённой борьбой за региональное или мировое господство, передел сфер влияния с последующими передышками в этой борьбе в результате перенапряжения сил и необходимости «залечивания ран».

Эта нескончаемая «игра престолов» приобретала особую остроту и непримиримость, когда облекалась в религиозные, идеологические одежды, когда корыстолюбие и алчность элиты переплетались с фанатизмом толпы. Тридцатилетняя война в Европе в XVII в. (1618-1648 гг.), внешне выглядевшая как конфликт на религиозной почве, порождённый Реформацией, между протестантскими и католическими государствами, а в действительности бывшая геополитической борьбой за господство между Францией и Священной Римской империей германских народов, унесла жизни четверти населения континента. Братоубийственная война завершилась знаменитым Вестфальским миром

(1648 г.), замирившим Европу на долгие годы впервые на основе «баланса сил», уважения чужого суверенитета и отказа от навязывания друг другу своих религиозных «ценностей» и вмешательства во внутренние дела [17].

Из опыта мировой истории со всей определённой следует, что наиболее шатким и недолговечным оказывался мир, когда его пытались создать под своей эгидой претендующее на роль гегемона государство, преследующее откровенно грабительские и захватнические цели в отношении соседей и конкурентов. После победы над Карфагеном Римская империя не имела себе равных в дохристианском мире, и, тем не менее, рухнула спустя несколько веков под грузом внутренних противоречий и внешних войн. Не помогло Риму и то, что спустя столетия станет называться превосходством над остальным миром, высоким уровнем военного и экономического развития, эффективной правовой системой в сравнении с окружающими варварами.

Римляне в назидание потомкам впервые обосновали само понятие «мировой порядок». У Вергилия в «Энеиде» римская идея представлена как задача дойти до предела земли и цивилизовать периферию, чтобы силой распространить мировоззрение Рима. Чем не сегодняшняя идея «демократизации» мира по-американски? Недаром в США в академических кругах традиционно любят проводить параллели между *Pax Romana* и *Pax Americana*.

Правда, прагматики-римляне сами многое почерпнули у своих предшественников – античных греков, особенно из их философского наследия. В греческой философии существовали две принципиальные категории – «космос», как понятие порядка, и «хаос», как олицетворение беспорядка. Эллинский мир – это мир порядка, гармонии, космоса. В противоположность ему – мир варваров, символ хаоса и беспорядка. История есть борьба порядка с беспорядком или как из хаоса возникает порядок, а эллинство побеждает варварство.

Можно сказать, что уже тогда на заре европейской политической мысли была заложена основополагающая идея исключительности и превосходства одних над другими в процессе миростроительства, получившая дальнейшее развитие в средневековой борьбе с ересью, миссионерской деятельности (прозелитизм), осуществлении колонизаторами «цивилизаторской миссии», а уже в наши дни в доктрине гуманитарного вмешательства и смены режимов средствами цветных революций.

Особая роль в истории принадлежала революциям и великим социальным потрясениям в становлении нового мирового порядка. Взрыв внутренних противоречий, согласно закону о связи внутренней политики с внешней, кардинально менял внешнюю политику революционного государства и неизбежно затрагивал всю систему международных отношений. Классическим примером была Великая французская революция, сломавшая вестфальский династический европорядок и погрузившая «Европу тронов» в кошмар войны с революционной Францией с последовавшей затем эпохой захватнических наполеоновских войн.

Собственно говоря, европейский порядок тогда и был мировым. Жестокое потрясение его основ заставило монархическую Европу после поражения Наполеона искать спасения в консервативной концепции «легитимизма», исходившей из незыблемости европейского порядка, построенного на основе Священного союза легитимных монархий и «концерта держав», победивших самозванца. Тем самым, с одной стороны, выносился вердикт непризнания европейского единовластия и восстанавливалась вестфальская система «баланса сил», что было выгодно, прежде всего, Великобритании, а с другой, вне закона объявлялась любая революционная смута и возникающий в её результате мировой беспорядок [21].

Великий немецкий провидец Гёте, успевший от восхищения перейти к разочарованию в Бонапарте, сумел заглянуть в следующий век в трагическое будущее немцев, когда оставил такие пророческие строки:

«Будь проклят тот, кого, как вал,
гордыня буйства одолеет.
Кто немцем будучи, затеет,
что, корсиканец затевал».

В Библии, кстати говоря, о греховности гордыни говорится более 50 раз, гордыня считается «князем грехов» и даже «первым грехом дьявола». Скорее всего, первые христианские евангелисты хорошо знали эллинские тексты, в которых упоминался высокомерный и буйный дух Хубрис, способный на безумные и губительные действия. Сегодня, в век новых опасных вызовов и «высокомерия власти» эта тема, как говорил о внешней политике США сенатор Уильям Фулбрайт, неожиданно стала весьма модной. Хубрис – равнозначен вынесению диагноза безответственным и непредсказуемым политикам, играющим судьбами человечества в ядерный век.

Бывший министр иностранных дел Великобритании Дэвид Оуэн, врач по образованию, отойдя от дел, опубликовал книгу под характерным заголовком «Хубрис-синдром. Буш, Блэр и интоксикация власти», посвящённую анализу власти как источнику повышенной опасности в жизни лидеров и народов. По мнению Оуэна, дух Хубрис может вселиться в любого политического деятеля, даже демократически избранного. К таким он относил Тэтчер, Блэра, Буша. Сегодня к ним можно смело добавить Дональда Трампа, Терезу Мэй и, особенно, эпатажного Бориса Джонсона. Симптомы болезни – чрезмерная самонадеянность, нетерпеливость, непредсказуемость и отвращение к деталям, неумение слушать других. В современной философии понятие «Хубрис» используется для обозначения «предпороговых форм стихийных процессов, задающих неустойчивые параметры функционирования системы». Как считали древние греки, вслед за Хубрисом неизбежен приход Немезиды – богини возмездия. Судьба всех претендентов на исключительность, захваченных «гордыней буйства», была ярким тому примером [23].

В водовороте противоречий

Европейское равновесие, установленное на Венском конгрессе державами-победителями над Наполеоном, на удивление оказалось весьма прочным и помогло сохранить мир в Старом Свете почти на сто лет. Разумеется, если говорить об отсутствии общеевропейского конфликта, а не об ограниченных войнах, каких в этот период было предостаточно – от Крымской войны России до русско-турецкой и балканских войн. Во всяком случае, казалось, что ключ к крепкому мироустройству был найден и европейцы, пока ещё задававшие тон общемировой политике, вступили в новый век преисполненные оптимизма. Главный урок из прошлого заключался в важности поддержания «баланса сил» и умения вовремя разрешать возникающие противоречия дипломатическими средствами.

Между тем в недрах мировой системы вызревали новые силы, недовольные сложившимся статус-кво. Тесно между собой переплетались и искали выхода экономические интересы, политические амбиции и гигантски возросшие военно-технические возможности великих держав. Объединённая Бисмарком Германия, как когда-то Франция Наполеона, сделавшая мощный рывок в развитии, претендовала на роль главной континентальной державы и тем самым вступала в смертельную схватку с «владычицей морей» – Великобританией. Происходила стратегическая перегруппировка сил и создание новых военных союзов – верный призраок назревающего военного конфликта. Его рамки впервые приобретали мировой характер, выходя за пределы старой Европы и вовлекая в свой водоворот Северную Америку и нового претендента на господство в Азии – императорскую Японию.

XX в. – «век волкодав», как окрестит его поэт Осип Мандельштам, может быть, самый жестокий и кровавый в истории, до предела обострит борьбу вокруг мироустройства и за лидерство в нём между главными акторами мировой политики. Настигшие австрийского эрцгерцога Фердинанда выстрелы в Сараево положат конец многолетнему европейскому равновесию и возвестят о начале первой глобальной войны за передел мира. К концу войны с победой большевистской революции в России к геополитическим противоречиям воюющих держав добавятся и идеологические, мировоззренческие разногласия между ними. Впервые единый мир окажется расколот не только на воюющие группировки, но и на противостоящие общественные системы. В этих условиях приходиться к единому знаменателю при организации мира станет ещё труднее.

Это доказала на практике уязвимая система послевоенного мироустройства по итогам Первой мировой войны, получившая название по месту проведения двух международных конференций Версальско-Вашингтонской. По сути тогда был приобретён печальный опыт того, как опасно допускать стратегические просчёты при создании послевоенного миропорядка. Сочетание алчности побе-

дителей – стран Антанты и примкнувших к ним в конце войны восходящих Соединённых Штатов и их коллективной идеологической непримиримости к новому игроку на мировой арене – Советской России закладывали семена будущего мирового конфликта.

Именно в отношении того периода позднее появится условное деление государств-участников мировой политики на «ревизионистов» и сторонников статус-кво [2]. Раздавленная войной Германия и обиженная державами-победителями в Версале, погрузившаяся в кошмар послевоенного экономического кризиса и обременённая огромными долгами, рано или поздно должна была вступить на путь реванша и сведения счётов с победителями. Дело было лишь за малым: появлением на исторической сцене харизматической личности, способной не только соответствовать интересам проигравшей германской элиты, но и увлечь за собой обещаниями чуда и «особой судьбы» германской нации разувевшиеся и отчаявшиеся миллионы немцев.

В свою очередь Советская Россия, обречённая на «историческое одиночество» и по идеологическим соображениям ставшая государством-изгоем в европейской семье и на некоторое время даже отлучённая от мировой политики, не могла принять активного участия в создании послевоенного мироустройства. В результате межвоенный период отличался исключительной неустойчивостью и по сложности и разноплановости межгосударственных противоречий, пожалуй, не имеет себе равных в международных отношениях ни до, ни после, что дало основание некоторым американским авторам даже рассматривать его в качестве одной непрекращающейся «европейской гражданской войны». Во всяком случае не провозглашённый Лигой Наций – несовершеннолетним детищем Версаля – принцип «коллективной безопасности» определял устои миропорядка, а старый как мир девиз «каждый за себя», чем не преминули к своей выгоде воспользоваться державы-агрессоры во главе с гитлеровской Германией.

Отсутствие скоординированных действий со стороны будущих союзников в борьбе с фашистской угрозой, и даже наивное стремление некоторых из них воспользоваться в своих интересах на определённом этапе гитлеровской агрессией, привели мир к роковому рубежу – появлению реального претендента на мировое господство, сумевшего на практике покорить почти всю Европу и реализовать программу «нового европейского порядка» в качестве прелюдии к «войне континентов» с Соединёнными Штатами. Злой джин был выпущен на волю, и потребовались сверхусилия и колоссальные жертвы, прежде всего со стороны Советского Союза, а также существенный вклад со стороны других участников антигитлеровской коалиции, прежде чем мир был восстановлен. В очередной раз авантюрное стремление к единовластию обернулось неслыханной трагедией в жизни миллионов людей, и чуть было не изменило необратимо ход исторического развития. История вновь с убедительной силой доказала, что любой миропорядок, построенный на власти гегемона, не является жизнеспособным и обречён на исчезновение.

Кому достался послевоенный мир? Как закладывались основы послевоенного мироустройства, получившие закрепление в так называемой Ялтинско-Потсдамской системе? Её влияние на современный мир сказывается и по сей день, несмотря на все попытки доказать, что время этой системы мироустройства, созданной на межсоюзнических конференциях в Ялте и Потсдаме в 1945 г. руководителями СССР, США и Великобритании Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, якобы «прошло» вслед за распадом Советского Союза [1].

Особенно ценным, с точки зрения нашего времени, являлся опыт согласования своих интересов ключевыми союзниками в войне – СССР и США. Впервые основой послевоенного международного равновесия могла стать кооперация двух основных победителей во Второй мировой войне при временном выпадении из международной системы побеждённых держав «оси» и серьёзном ослаблении других победителей из числа старых колониальных держав, прежде всего, Англии и Франции. Вопрос заключался в том, какого рода будут эти двусторонние отношения – построенные на силовом противостоянии с учётом новых вызовов ядерного века или на основе продолжения единогласия главных игроков, как и предполагал Устав принятой на конференции в Сан-Франциско новой международной организации – Объединённых Наций.

Всё зависело от того, удастся ли главным победителям преодолеть объективные геополитические и идеологические противоречия, когда объединяющий фактор общего врага и общей угрозы сходил на нет и нужно было найти новую основу для сотрудничества за рамками военного союза. Для Советского Союза и его руководителей, испытывавших законное чувство гордости великой победой, это означало ограничить свои амбиции в духе послевоенных революционных ожиданий и найти оптимальный баланс интересов между желаемым и возможным с точки зрения укрепления своей безопасности в Европе и на Дальнем Востоке. И прежде всего, исходить из приоритетности задач послевоенного восстановления огромной страны, понёсшей колоссальные разрушения и потерявшей миллионы человеческих жизней.

Надо сказать, что в целом сталинская внешняя политика, за исключением отдельных тактических ошибок и некоторых беспочвенных амбиций в тот переходный период, отвечала этим объективным требованиям и отличалась умеренностью. В то же время, реалистически мысля, никто не мог ожидать от государства-победителя отказа от закрепления в свою пользу итогов войны и согласия с восстановлением простого довоенного статус-кво, к чему стремились всю войну союзники СССР. Но это противоречило всем законам мировой истории и настроениям советского народа, заплатившего непомерную цену за победу [20].

Несостоявшийся мир

Из всех воевавших государств, пожалуй, наиболее серьёзные перемены произошли во внешней политике Соединённых Штатов. В американской историо-

графии принято считать, что в результате Второй мировой войны США перешли из разряда региональных в ранг глобальных держав. По существу, завершился тот долгий путь, начало которому было положено в 1871 г., когда бывшая английская колония по объёму промышленного производства обошла свою метрополию. Однако неуклонно растущая экономическая мощь ещё не вела автоматически к политическому и военному влиянию в мире, «где все места были заняты». Оставалось рассчитывать на естественное ослабление основных конкурентов по мере повышения собственных возможностей, прежде всего, военных и дипломатических. Именно поэтому американская экспансия в мире началась с лёгкой добычи – стран Латинской Америки и дряхлеющей испанской монархии, географически от Кубы до Филиппин.

В итоге Первой мировой войны США набрали ещё больший экономический вес, оставаясь до последнего момента в стороне от европейского конфликта. Но даже вступив в него «под занавес», не смогли оттеснить своих основных конкурентов – англичан и французов. Именно поэтому любимое детище президента Вудро Вильсона – Лига Наций – не нашла поддержки в американском Конгрессе. США не устраивал послевоенный статус-кво, и в тот межвоенный период их вполне можно считать «ревизионистской державой», заинтересованной не в сохранении статус-кво, а в изменении мирового расклада сил в свою пользу. Как показал опыт Великой войны, добиться этого можно было искусной дипломатической игрой на мировых противоречиях. Этим целям служила провозглашённая Вашингтоном внешне пацифистская политика «изоляциизма», невмешательства и нейтралитета, объективно подогревавшая мировые противоречия.

Отдадим должное и американским руководителям. В самый ответственный момент, когда у Соединённых Штатов появился реальный шанс стать сверхдержавой, у руля государства встал такой незаурядный политический деятель, каким был президент Франклин Рузвельт, большой мастер дипломатических манёвров и сложных политических комбинаций. В лице Сталина он нашёл равного себе по масштабу личности, интеллектуальной силе и умению договариваться партнёра. Объективно «большая тройка» антигитлеровской коалиции по мере приближения конца войны всё больше становилась советско-американским предприятием по послевоенному переустройству мира.

А что же Великобритания, совсем недавно ещё «мастерская мира» и «владычица морей», долгое время не принимавшая всерьёз заокеанскую республику? С точки зрения сегодняшнего дня, эволюция отношений двух англосаксонских сестёр имеет большое практическое значение. По существу, это был первый случай в истории, когда одна держава без борьбы, добровольно, хотя и стиснув зубы, под давлением обстоятельств уступала другой мировое лидерство. Легко себе представить, как переживал в душе родовой аристократ, наследник герцогов Мальборо премьер Уинстон Черчилль, когда после всех потрясений, выпавших в связи с войной на долю «коварного Альбиона», полушутя–полусерьёзно именовать себя «лейтенантом Рузвельта». Но что было делать? Не оправившаяся ещё

после первой мировой бойни и прямым, в результате близорукой политики правительства Н. Чемберлена, вступившая во вторую, Англия была банкротом и нуждалась в американской военной и финансовой помощи [22].

Если тогда это выглядело как временная рокировка влияния в «благородном семействе», то с годами приобрело новый смысл, как передача власти на Олимпе новой восходящей державе мирным путём, хотя и в специфических условиях военного и послевоенного времени. Во всяком случае, английский правящий класс, всегда отличавшийся большой расчётливостью и умением трезво взвешивать свои силы, пришёл к выводу, что следовало поступиться властью в обмен на «особые отношения» с Америкой и отдать часть своего суверенитета под внешнее управление во имя выживания и сохранения роли великой державы. Поскольку это затрагивало «святыя святых» – судьбу британской колониальной империи, на которую давно вождельно смотрели Соединённые Штаты, то это воспринималось особенно болезненно английскими консерваторами, воспитанными в викторианскую эпоху в традициях британского колониализма.

Стоило Рузвельту приравнять вопрос о «свободе» народов колоний в качестве части антифашистской борьбы, как Черчилль тут же приходил в неистовство и настаивал на «неприкосновенности» британской собственности. Впрочем, это уже была агония угасающей державы, проигравшей борьбу за мировое лидерство и вынужденной признать своё поражение. Для нас важно другое: способны ли Соединённые Штаты извлечь уроки из истории и при известных обстоятельствах проявить подобную политическую мудрость и не цепляться за ускользающее от них доминирование в XXI в.? Правда, это уже другая история, о которой речь пойдёт ниже.

А возвращаясь к событиям Второй мировой войны и её судьбоносным итогам, следует сказать к чести Рузвельта, не дожившего совсем немного до победы над гитлеровской Германией, что его «Великий замысел» на послевоенный период предусматривал продолжение сотрудничества с Советским Союзом, хотя и не без использования дипломатических рычагов, что должно было стать основой послевоенного миропорядка. Его перспективные планы, кроме ритуальных обязательств нанести поражение агрессорам и заложить основы прочного демократического мира, не содержали деталей и не раскрывали всю полноту его замысла. Но из обрывков его «мыслей вслух» в доверительных беседах с ближайшими помощниками и близкими друзьями, а самое главное из анализа его конкретной деятельности вырисовывались контуры его планов на будущее.

В отличие от современных американских политиков, он с уважением относился к интересам сильного партнёра и, будучи опытным игроком в покер, хорошо понимал смысл дипломатической игры по формулы give and take. На словах убеждённый противник раздела мира на сферы влияния, он в то же время соглашался с тем, что Советский Союз, дорого заплативший за победу в войне, имел право на признание интересов своей безопасности как в Европе, так и на Дальнем Востоке, как бы вы это не называли – сферой влияния или привилегированных

интересов. Внешне это выглядело в глазах некоторых недалёких помощников или ангажированных приближённых президента как непонятная уступчивость или «умиротворение» Кремля, но в действительности за этим скрывался глубокий геополитический расчёт и умение видеть все pro и contra.

Президент, скорее всего, считал, что с СССР выгоднее ладить, чем конфликтовать. Из общения со Сталиным у него сложилось впечатление, что советский лидер только в принципиальных вопросах безопасности СССР проявлял твёрдость и непримиримость, а в остальном был готов идти на далекоидущие уступки перед союзниками. Сохранились свидетельства очевидцев, например, что Рузвельт был удивлён «скромностью» требований Сталина в качестве условия вступления СССР в войну на Дальнем Востоке против Японии, чего активно добивались американские военные [15]. Не волновала президента и угроза «советской экспансии» или «коммунистического вмешательства» за пределы обозначенных границ. Смешно было рассчитывать на то, что «мавр сделает своё дело», а потом безропотно удалится, чтобы всё вернулось «на круги своя», к довоенным порядкам. Разве мог рассчитывать на это политик-реалист, каким был Рузвельт?

Его послевоенный замысел был далеко не столь альтруистичен, как изображают дело некоторые американские авторы, представляя президента эдаким тяжело больным безвольным идеалистом, уступившим Сталину «всё, что только можно» на конференции в Ялте, где решались судьбы послевоенного мира. В действительности, судя по многим косвенным признакам, Рузвельт исходил из того, что США по итогам войны приобрели статус глобальной державы, в то время как Советский Союз оставался региональной евроазиатской державой. При таком геополитическом раскладе между ними становилось возможным далеко идущее сотрудничество при условии уважения интересов безопасности СССР со стороны Вашингтона, о чём в общих чертах сторонам удалось договориться в Крыму.

Что касается интересов США, то на том этапе они в основном касались владений европейских старых колониальных держав и Японии в Азии, особенно в Китае. Известно, что во время войны намечалось определённое тактическое взаимопонимание между Сталиным и Рузвельтом в отношении деколонизации при гневных протестах со стороны Черчилля, хотя, понятно, что в перспективе марксистские идеи национального освобождения и политика неокOLONIALИЗМА, основы которой закладывал Рузвельт, имели между собой мало общего. В отношении Европы, пережившей две кровопролитные мировые войны, Рузвельт был пессимистом и придерживался той точки зрения, что это был «умирающий континент», время которого прошло. Не случайно именно в Вашингтоне в министерстве финансов родился план «расчленения» Германии и её деиндустриализации и всерьёз обсуждались планы вывода американских войск из Европы после войны.

Можно ли было эти проекты считать серьёзными планами передела мира после войны или его нового раздела на «сферы влияния» между главными по-

бедителями? Нам это не суждено знать, так как смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. и приход в Белый дом нового президента совсем другого склада ума и иных приоритетов спустя некоторое время кардинально изменили курс внешней политики США в крайне неблагоприятную для Кремля сторону. Вместо «мягкой» биполярности на основе кооперации двух великих держав и их коллективной ответственности за судьбы мира, мир получил жёсткую конфронтацию, вошедшую в историю как холодная война, которая стала выражением всего послевоенного миропорядка на десятилетия вперёд.

От биполярности к американской гегемонии

В наши дни стало модно говорить, что история – это не наука, а политика и наша интерпретация прошлого, мол, определяет наш взгляд в будущее. Имеет ли несостоявшееся, но гипотетически возможное, советско-американское согласие с окончанием Второй мировой войны, практическую ценность для понимания сегодняшней мировой политики? Существуют ли пересекающиеся исторические параллели? И да, и нет. Ясно, что историческая цикличность воспроизводит себя в качественно новых условиях, на другом уровне развития, при более высокой степени взаимозависимости наций, государств и цивилизаций. Но при этом сохраняются и приумножаются противоречия, появляются новые риски или, как стало принято говорить, «чёрные лебеди», общемировая тенденция интеграции и глобализации прерывается разобщением и столкновением конкурирующих государств в борьбе за региональное и мировое лидерство. Неслучайно одна немецкая газета метко назвала идею «конца истории» «посланием из сумасшедшего дома».

Удивительно, но если смотреть в ретроспективе, советско-американская биполярность в ядерный век при всех возникавших в её ходе опасных ситуациях и даже приближении к грани ядерной катастрофы, как это было в период Карибского кризиса (1962 г.), в целом оказалась достаточно устойчивым вариантом мирового порядка. Лежащий в его основе ядерный паритет двух сверхдержав или, как говорил Черчилль, «равновесие страха», при всей циничности подобных рассуждений, позволил избежать большой термоядерной войны в период острейшего межсистемного противоборства государств с различным общественным строем, когда мировоззренческие противоречия накладывались на геополитические. Несмотря на противостояние двух враждебных военно-политических блоков – НАТО и Организации Варшавского договора в Европе за послевоенные полвека не возникло ни одного военного конфликта. Лишний раз было доказано, что равновесие сил, даже при непрекращающейся гонке вооружений и периферийных конфликтах, остаётся стабилизирующим фактором международных отношений.

Правда, участники и свидетели событий тех лет, не ведая, что их ждёт впереди, считали, что хуже и опаснее времени, чем состояние холодной войны, не

бывает. Но, как говорится, всё познаётся в сравнении. Неожиданный для всех распад Советского Союза создал новую геополитическую реальность, положив конец холодной войне и порождённой ею биполярности. На какое-то время мир даже погрузился в растерянность и, судя по недавно опубликованным американской стороной архивным документам о переговорах на высшем уровне между Белым домом и Кремлём, пребывал в состоянии эйфории и надеждах (трудно сказать, насколько искренних) на всеобщее примирение и наступление новой эры, если под этим понимать антидиалектическое по своей сути исчезновение мировых противоречий. Но всеобщее заблуждение длилось недолго и быстро сменилось трезвым взглядом на вещи со стороны тех, кто привык рассматривать международные отношения как игру с нулевой суммой, а мировую политику – как средство извлечения прибылей [19].

Не для того в Вашингтоне инвестировали миллиарды долларов в холодную войну, чтобы, щадя самолюбие вчерашнего смертельного противника, долго рассуждать об «общей победе». В то удивительное время на стыке эпох в ходу было популярно сравнение двух сверхдержав – состоявшейся и уже бывшей, с двумя дуэлянтами, один из которых добровольно сложил оружие. Что ж, если так было угодно истории, то тем лучше, считали в Вашингтоне. Пусть победа сама пришла в руки, и за неё не пришлось заплатить большой кровью в результате «поражительной трансформации» советского режима, как уклончиво говорили на Западе, её плодами следовало воспользоваться. Холодная война была торжественно похоронена, основой американской внешней политики провозглашались триумфализм, либеральный мировой порядок и глобализация под эгидой США. А за кулисами «глубинного государства» на вооружение была принята «доктрина Вулфовица» (1992 г.), навечно закреплявшая доминирование США в мире и не допускавшая вновь появления им равного по силе нового соперника, каким был СССР. Задним числом, уже при президенте Трампе Америка припишет себе победы в Первой и Второй мировой войнах, а также и победу над коммунизмом.

О «новом мировом порядке» в Вашингтоне стали говорить уже с конца 80-х гг. прошлого века по мере саморазоблачения горбачёвской перестройки. С подачи американских неоконсерваторов (Ч. Краутхаммер), за миром после окончания холодной войны прочно закрепилось понятие «однополярный». Это означало порядок, построенный на единовластии одной сверхдержавы, о каком-либо равновесии сил можно было смело забыть. Как часто уже бывало в мировой истории, у победителя нашлось немало горячих сторонников, в том числе и в возникших на обломках Советского Союза постсоветских государствах, которые утверждали, что под американским лидерством мир станет куда безопаснее. Впрочем, всё зависело от того, как этим лидерством США собирались воспользоваться.

По мере вхождения в новую роль и осмысления новых глобальных возможностей росли и амбиции Вашингтона. При этом верные традициям пуританских принципов отцов-основателей Америки, их духовные наследники очень хотели

создать подкупающий образ «великодушного гегемона» (*benign hegemon*), готового поделиться плодами глобализации и либеральной экономики с остальным миром. До поры до времени сила этого внушения оправдывала вложенные в него средства. Идеологически США были хорошо подготовлены к своей новой роли. При обосновании внешней экспансии, они делали упор на отработанную до мелочей ещё со времён президента Вудро Вильсона концепцию американской «исключительности», приписывающую Америке особые добродетели и достоинства и наделяющую её правом распространять эти достоинства на остальной мир посредством его добровольной или принудительной демократизации.

Однако скоро уже становилось ясно, что «великодушный гегемон» оказывался себялюбивым и неуправляемым гегемоном. Старая истина «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно», применимая как к внутренней, так и к внешней политике, подтверждалась и в новых условиях однополярного мира. Если ещё в начале следования по этому пути США проявляли, особенно при администрации президента Клинтона, известную сдержанность и стремление полагаться на «мягкую силу», то по мере нарастания противодействия их действиям со стороны противников американского доминирования ужесточалась и политика Вашингтона.

Следуя правилам саморазвития политики силового давления, США на рубеже XXI столетия перешли к использованию военной силы на Балканах, в Афганистане, на Ближнем Востоке под предлогом установления либерального порядка и права на гуманитарное вмешательство и подключили к этим акциям своих союзников по НАТО. При этом забота о международном праве их особенно не волновала. Известно, когда при обсуждении планов бомбардировок НАТО Косово премьер-министр Англии Блэр сказал госсекретарю США М. Олбрайт, что «его юристы это не поддержат», то получил примечательный ответ: «Смените своих юристов» [8].

Чем дальше, тем больше однополярный мир демонстрировал свою уязвимость и недолговечность как с точки зрения ограниченности имеющихся военных и финансово-экономических возможностей США по его поддержанию и продвижению, так и появлению и усилению новых конкурирующих центров силы на мировой арене. Уже с наступлением нового тысячелетия в американской политической литературе умеренно критического толка прочно утвердилось понятие «упадок» (*decay*) относительно ослабления конкурентных позиций США и их неспособности нести груз лидерства. Именно в это время впервые на самом высоком политическом уровне с американской стороны была затронута тема «несправедливого» распределения бремени военных расходов среди членов НАТО. Всё чаще можно было слышать и тревожные голоса о «закате американского века» и «сумерках либерального порядка» и необходимости сокращения внешних обязательств.

В XX столетии, когда США после долгих лет самоизоляции и накопления сил бросили вызов другим великим державам в борьбе за мировое преобладание,

их внешняя политика отличалась завидной продуманностью, выдержкой и осторожностью. Вашингтон умел терпеливо ждать своего часа, того момента, когда противники ослабят себя непримиримой враждой или выдохнутся в результате внутренних распрей и внешних неудач. Холодная война с Советским Союзом длилась несколько десятилетий и всё это время США не торопили события и старались избегать резких движений, которые могли спровоцировать ядерный конфликт. Мысль, что в ядерной войне не может быть победителей, крепко закрепились в умах американских политиков после Карибского кризиса. В конечном счёте, в этой «борьбе нервов» известно, кто одержал верх, как бы мы в России не интерпретировали исход холодной войны.

Напрашивается вывод, что восходящей державе, почти как человеку в политике, свойственно проявлять осторожность и осмотрительность, пока цель не будет достигнута. Другое дело, когда миссия осуществлена, мечта о величии стала явью и можно расслабиться, дать волю фантазиям и в результате потерять чувство реального. Нечто похожее произошло с Соединёнными Штатами после того, как однополярный мировой порядок пришёл на смену биполярности двух сверхдержав. В Вашингтоне предали забвению мысль, высказанную ещё президентом Кеннеди в Американском университете в 1963 г. по горячим следам после Карибского кризиса о том, что Соединённые Штаты «не всемогущи» и «не всесильны». Затянувшееся ощущение триумфализма, упоение своим превосходством над остальным миром, отсутствие до поры до времени равных противников таили опасность совершения Вашингтоном крупных стратегических ошибок.

Тупик однополярности

Это, прежде всего, касалось восстанавливающих свои силы держав – России и Китая. Теоретически говоря, однополярность могла стать основой стабильного нового миропорядка, если бы государство-гегемон на практике принимало во внимание интересы партнёров и было бы готово к известному самоограничению своих амбиций ради более крупных, можно сказать, общечеловеческих, всеобщих целей. Но такую идеальную картину можно сконструировать разве что умозрительно. На практике победитель, а Соединённые Штаты считали себя безусловным победителем, не склонен к самоограничению, и руководствуется правом сильного, которому, по определению «достаётся всё». Не случайно, именно в Америке родились крылатые поговорки «сила есть право» (*might is right*), или «по-моему или скатертью дорога» (*my way or highway*), хорошо выражающие непримиримый, бескомпромиссный дух корпоративной Америки.

Сейчас уже спустя почти три десятилетия после распада СССР и выхода на международную арену его государства-продолжателя – суверенной России накоплено предостаточно фактов, чтобы сделать вывод о том, что близорукий подход Вашингтона к отношениям с Россией явился его серьёзной стратегической

ошибкой, последствия которой ещё до конца не проявились. Этот подход выразился простой формулой «Россия – это не Советский Союз и с ней можно особенно не церемониться». Казалось, простое сопоставление несопоставимых потенциалов двух государств давало основание считать российско-американские отношения асимметричными, лишёнными стратегического паритета, что, согласно формальной логике, не позволяло говорить об их равноправии, а предполагало превращение России в младшего, зависимого партнёра Вашингтона и отказ от самостоятельности во внутренних и международных делах.

Собственно говоря, примером того, что могло бы быть, проявилась Россия большую сговорчивость, служит сегодняшняя Украина, полностью переданная своей элитой под внешнее управление и добровольно отказавшаяся от суверенитета ради призрачной евроатлантической интеграции. Как здесь не вспомнить тонкое замечание Луи Пастера, адресованное молодому учёному: «Ваши выводы верны, но посылки ложны». В Вашингтоне исходили из того, что раз Германия и Япония, проиграв Вторую мировую войну, стали лояльными американскими союзниками, если не сказать вассалами, то ту же участь предстояло разделить и России после проигранной Советским Союзом холодной войны. Вывод, по меньшей мере, странный, ставящий на одну доску побеждённые государства-агрессоры и страну, самостоятельно изменившую вектор своего развития.

Другой стратегический просчёт Вашингтона заключался в недооценке великого исторического наследия России и её национальной идентичности как крупнейшего евроазиатского государства. Со стороны американской элиты было большим заблуждением ожидать, что после самороспуска ОВД Россия пойдёт по «восточно-европейскому пути», избранному группой европейских малых и средних государств, которые в прошлом никогда не обладали суверенитетом в полном смысле этого слова и часто становились жертвами внешних завоеваний, разделов своей территории и превращением в сателлитов более крупных держав. С ролью младшего партнёра Америки не был согласен и национально ориентированный российский бизнес, быстро поднявшийся на ноги после введения частной собственности, приватизации госпредприятий и поворота страны к рыночной экономике. Мощное государство было необходимо для защиты российских «естественных монополий» на внешних рынках, где свирепствовала жестокая конкуренция [13].

И, тем не менее, нельзя сказать, что однополярный мир был изначально встречен в штыки Россией. Все 90-е гг. страна пыталась настойчиво интегрироваться в западное сообщество, вплоть до зондирования вопроса о возможности (трудно сказать, насколько серьёзной) вступления в Североатлантический блок. Ведущая часть российской элиты прозападного либерального толка разуверилась в способности своего народа собственными силами построить современное развитое демократическое государство, не жертвуя при этом его самостоятельностью, самобытностью и национальными интересами и придерживалось по существу компрадорских настроений. В конце концов, вопрос вопросов заключал-

ся в том, на каких условиях интегрироваться с Западом и как дорого придётся за это заплатить.

Как стало ясно уже на закате правления президента Ельцина, эта цена оказалась неподъёмной для большей части российской элиты и по существу не оставляла никаких шансов на установление равноправных отношений с Западом, не говоря уже об оказании России, изменившей своё социальное устройство, действенной помощи по типу «плана Маршалла», на что очень рассчитывали какое-то время в Кремле. Близорукое своекорыстие, свойственное бизнес-государству, сыграло злую шутку с Вашингтоном, заложив на будущее семена вражды и недоверия в отношениях с Россией. Многие американские авторы самокритично рассматривают пренебрежительное и покровительственное отношение к России в период её болезненной внутренней трансформации, отказывающее ей в праве на национальные интересы, как крупный стратегический просчёт Вашингтона¹.

Как уже не раз бывало в подобных переломных моментах в истории, дело оставалось за появлением в России на политической сцене адекватной личности руководителя, отвечающего требованиям времени. Таким лидером стал президент Путин в результате безболезненной смены власти в России, ознаменовавшей начало нового тысячелетия. Новому президенту, выходцу из спецслужб, досталось тяжёлое наследие. Российская государственность была серьёзно подорвана, стране угрожала новая волна сепаратизма, после дефолта 1998 г. её экономика, обременённая внешними долгами, переживала затяжной кризис, общество было разобщено и лишено ясных ориентиров. Естественным было в этих условиях, по-возможности сохраняя лицо, продолжать курс на сближение с Западом и признание его ведущей роли в новом миропорядке.

В Кремле настойчиво искали пересечение интересов с США и закрывали глаза на крайности американской великодержавной политики. Центральное значение принимал начатый ещё при президенте Клинтоне вопрос о расширении блока НАТО и приближении его инфраструктуры к границам России вопреки устным обязательствам, взятым перед М.С. Горбачёвым высшими американскими и западноевропейскими руководителями. Охваченная все 90-е гг. боязнью «коммунистического реванша» и уповая на равноправный союз с Западом, кремлёвская власть тогда явно недооценивала всю серьёзность этой проблемы для безопасности России. Сигнал тревоги прозвучал тогда, когда вслед за бывшими союзниками СССР по ОВД в НАТО устремились и бывшие союзные республики, начиная с Прибалтики.

Жёсткой и бескомпромиссной американской позиции российская сторона попыталась противопоставить несколько наивную попытку увязывания этого геополитического вопроса с проблемой совместной антитеррористической борьбы, благо сама жизнь актуализировала эту тему организованными «Аль-Каидой» серией крупных террористических актов в США в сентябре 2001 г. Про-

¹ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2007 г. Обзор МИД России. Москва, март 2008 г.

явив политическую смелость и быстроту реагирования, президент Путин оперативно наладил военное сотрудничество с американцами в Афганистане, которое способствовало разгрому режима талибов и опекаемой ими «Аль-Каиды». В Кремле, видимо, надеялись, что это послужит основой для российско-американского сотрудничества на перспективу и, прежде всего, гарантирует уважение интересов России со стороны США и блока НАТО в зоне её жизненных интересов, в так называемом «ближнем зарубежье».

Этим ожиданиям не суждено было сбыться, как показали цветные революции в Грузии и на Украине в 2003-2004 гг., когда окончательно стало ясно, что демократизация по-американски означает продвижение во власть лояльных Вашингтону и антироссийски настроенных местных политиков. В США были уверены, что инерция ельцинской политики продолжалась и новая российская власть, отягощённая внутренними проблемами, была неспособна противостоять внешнему давлению. Считалось, что в Кремле, как это было во время кризиса в Косово и 77-дневных бомбардировок самолётами НАТО Белграда, пошумят-пошумят, и на этом всё дело и закончится. Во всяком случае уважать установленные Москвой «красные линии» никто не собирался. Продвижение инфраструктуры НАТО к границам России неуклонно продолжалось. И только многоопытный Джордж Кеннан из числа серьёзных политиков старшего поколения, отец «доктрины сдерживания» не разделял восторгов неоконсерваторов из республиканской администрации Дж. Буша-мл. и считал расширение НАТО «трагической ошибкой».

Россия меняет курс

Известный резон не принимать всерьёз протесты Кремля в то трудное для него время в Вашингтоне был. На первых порах внешняя политика Путина не отличалась последовательностью и была нацелена скорее на умиротворение Вашингтона, чем на твёрдое отстаивание своих интересов. Из собственного дипломатического опыта могу привести такой пример, связанный с американской агрессией против Ирака в 2003 г. Тогда в Москве её официально расценили всего лишь как «военную акцию» США и сочли «большой политической ошибкой». Россия примкнула к осудившим вторжение союзникам США – Франции и Германии. Позднее Путин скажет, что его уговорил стать членом «тройки несогласных» президент Франции Ширак. Однако сразу же после начала американской операции против Ирака МИД России по поручению Кремля дал установку по закрытым каналам российским послам и постпредам проявлять сдержанность на местах и не разжигать антиамериканские страсти. В Москве, видимо, считали, что можно усидеть «на двух стульях»: и европейцев поддержать, и с американцами не поссориться. Правда, скоро этим иллюзиям пришёл конец. Однополярный мир требовал полной лояльности США.

Открыто о несогласии России с американским доминированием было заявлено на ежегодной международной конференции по безопасности в Мюнхене в

феврале 2007 г. в известном выступлении президента Путина, которое вызвало шок в кругах трансатлантической элиты и приравнивалось там чуть ли не к Фултонской речи Черчилля с объявлением новой холодной войны. Между тем, российский президент лишь назвал вещи своими именами. В частности, было заявлено, что «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и невозможна», и что Россия – страна с тысячелетней историей – не собирается изменять своей традиции «проводить независимую внешнюю политику». Именно тогда, а не спустя семь лет на Украине, как уверяют западные авторы, обозначился важный водораздел между не состоявшейся возможностью интеграции России в западный мир и последующим противостоянием с ним, приравненным к новой холодной войне [7].

Терпение и уступчивость России имели свои пределы, которые подверглись испытанию на прочность во время конфликта с Грузией вокруг Южной Осетии в 2008 г. и событий на Украине в 2014 г. Последующее обострение отношений с «коллективным Западом» во главе с США, включая многократное введение (более 50 раз с 2011 по 2018 г.) режима финансово-экономических и персональных санкций против России, свидетельствовали о глубоком кризисе модели однополярного мира, закате глобализации и серьёзной дестабилизации всей системы международных отношений. Как показала трагедия со сбитым в небе Украины в июле 2014 г. малазийским «Боингом», так называемое «дело Скрипалей» с отравлением в Лондоне бывшего сотрудника российской разведки и его дочери накануне выборов президента РФ в марте 2018 г., западные спецслужбы не останавливались перед прямыми провокациями против России.

Как не раз бывало в прошлом в мире возникла зловещая пауза между старым уходящим миропорядком и новым, пока ещё едва обозначившимся и не сформировавшимся международным укладом. Обычно в такие переходные периоды происходит особенно острое столкновение интересов, всплеск враждебности и недоверия между восходящими и нисходящими государствами, резкий обмен обвинениями их лидеров. Повышается градус конфликтности в мире в целом и понижается его управляемость. Становится реальностью военная угроза. От государственных деятелей требуется большая осторожность и высокое чувство ответственности, чтобы избежать сползания к войне.

Словно готовясь к периоду затяжной неопределённости в международных отношениях, российский МИД предусмотрительно ещё в середине 90-х гг. выдвинул концепцию многополярного, а позднее полицентричного мира, которая опиралась на традиции проверенных исторических прецедентов различных вариантов равновесия или «баланса сил», начиная с Вестфальского мира. В Москве исходили из того, что подошло к концу пятисотлетнее господство Запада, высшей и, вероятно, последней стадией которого и стал американоцентризм, и круг активных участников мировой политики гигантски расширился, прежде всего, за счёт стран Востока. Это создавало совершенно новые рамки для более

демократического мироустройства, учитывающего интересы не только «клуба избранных», а многих².

При этом речь идёт не о новом силовом послевоенном переделе мира, как не раз было в прошлом, а скорее, о перераспределении влияния по итогам изменившегося глобального расклада сил и появления новых крупных претендентов на участие в мировом управлении. Речь, прежде всего, о всестороннем «возвышении Китая» как новой перспективной супердержавы и установлении им отношений тесного «стратегического партнёрства» с Россией. К настоящему времени стало окончательно ясно, что все попытки со стороны Вашингтона втянуть КНР в систему западной взаимозависимости под эгидой США в роли, так называемого «ответственного акционера» (responsible stakeholder), по определению бывшего зам. госсекретаря США Р. Зеллика, будь то в форме G2 или «Кимерики», к чему призывали в 2009 г. Г. Киссинджер и З. Бжезинский, или какого-либо другого варианта американо-китайского мезальянса, были отклонены Пекином как несостоятельные, унижительные и обрекающие его на возвращение к роли марионетки Запада.

Между тем уже сейчас можно утверждать, что роль Китая в мировом раскладе является исключительной и, несомненно, будет нарастать по мере его дальнейшего возвышения. Его действия на международной арене отличает повышенная осторожность и осмотрительность, впитавшие богатый политический опыт многовековой китайской истории. В обозримом будущем ось взаимоотношений Пекина и Вашингтона или, говоря образно, дракона и орла, всё больше выглядит как главное противоречие мировой политики. Вопрос вопросов, разрешимо ли оно мирными, дипломатическими средствами и, следовательно, преодолимо ли это противоречие на основе исторического компромисса. Во всяком случае американская история не свидетельствует о склонности Вашингтона к уступкам и компромиссам на пике своего могущества. Скорее можно говорить о том, что стратегически Китай в прошлом переигрывал Соединённые Штаты и делал это по-восточному тонко, просчитывая на много ходов вперёд свои шаги. Хваленый американский практицизм явно уступал восточной китайской мудрости. В этой связи позволим себе небольшое отступление.

Китайская карта Вашингтона

Для Соединённых Штатов начиная с конца XIX в. находившийся на грани внутреннего распада Китай являлся главным направлением экспансии с момента провозглашения «доктрины Хэя» – политики «открытых дверей» и «равных возможностей», призванной перевести конкуренцию с другими империалистическими державами, прежде всего, из военной в экономическую плоскость, где позиции США были сильны. Но войны, несмотря на все попытки умиротворе-

² Edén to Churchill, 29.03.1943, Avon Papers, Foreign Office 954/22, PRO; The Earl of Avon, The Edén Memoirs: The Reckoning, London, 1965. P. 373.

ния Японии в 30-е гг. и подталкивания её на Север, против Советского Союза, всё-таки избежать не удалось. Во время Второй мировой войны США делали ставку на поддержку режима Чан Кай Ши – своего главного союзника, и проиграли. Правда, это было уже после смерти президента Рузвельта – большого энтузиаста разыгрывания «китайской карты» против Советского Союза.

Президент был одним из немногих западных деятелей тогда, кто верил в великое будущее раздираемого гражданской войной Китая, и стремился во что бы то ни стало сделать его долговременным американским союзником. Если Черчилль презрительно отзывался о китайцах как о «свинячих хвостиках», насмехаясь над их традиционными косичками, а китайских военных насмешливо называл не иначе как «кули в униформе», то Рузвельт публично был всегда предельно вежлив и уважителен, старательно дистанцируясь тем самым от «старых колонизаторов».

Глава британской дипломатии А. Иден после переговоров с Рузвельтом о послевоенных проблемах в марте 1943 г. сообщал в Лондон: «Президент говорил о необходимости объединить Китай с другими державами при решении мировых проблем. Я не проявил энтузиазма, но президент считает Китай, по меньшей мере, потенциальной мировой державой» и уверен, «что Чан Кайши надлежит оказать всемерную поддержку». Зная слабые стороны англичан и их традиционную вражду с Россией, Рузвельт горячо убеждал Идена, что при любом серьёзном столкновении с русскими Китай будет «на нашей стороне». Докладывая военному кабинету о результатах своих переговоров в Вашингтоне, Иден обоснованно заключал, что Соединённые Штаты, «вероятно, рассматривают Китай в качестве возможного противовеса России на Дальнем Востоке»³.

Поэтому легко понять тот шок, который в Вашингтоне вызвал крах гоминьдановского режима и приход в 1949 г. к власти китайских коммунистов во главе с Мао Цзедунем. Объединение сил двух коммунистических гигантов – СССР и КНР – в рамках заключённого военно-политического союза кардинальным образом меняло всю геополитическую ситуацию не только в Азии, но и в мире в целом и ставило под вопрос планы «американского века». Начавшаяся в кругах американской элиты паника приобрела тогда форму маккартизма, вылившегося в подавление всякого инакомыслия и свёртывание демократических свобод с целью консолидации общества против внешнего врага, что очень напоминает ту истерию, которая захлестнула США в наши дни под предлогом так называемого кибервмешательства России в американские президентские выборы 2016 г.

Покончивший с внутренней раздробленностью Китай встал на путь ускоренной модернизации и преодоления исторической отсталости после «столетия национального унижения» и иностранной эксплуатации на основе установленной коммунистами однопартийной системы и жёстких административных

³ Eden to Churchill, 29.03.1943, Avon Papers, Foreign Office 954/22, PRO; The Earl of Avon, *The Eden Memoirs: The Reckoning*, London, 1965. P. 373.

принципов управления, копирующих советский опыт. Помощь СССР явилась важнейшим условием создания в КНР фундамента ключевых отраслей народного хозяйства, строительства «с нуля» сотен промышленных предприятий, включая оборонные, перевооружения китайской армии.

В то же время СССР не мог дать больше, чем позволяли его собственные ограниченные возможности на фоне огромных потребностей Китая и его колоссальных размеров. Кроме того, после XX съезда КПСС и публичного осуждения Н.С. Хрущёвым культа личности Сталина реакция со стороны китайского руководства и лично Мао Цзедунa вызывала известную настороженность в Кремле в отношении общей политики КПК, как считалось, страдающей авантюризмом, и, особенно, необходимости сотрудничества с Китаем в военно-технических отраслях, включая область высоких технологий в атомной промышленности и ракетостроении, определявших тогда перспективы геополитического противостояния между СССР и США [3].

Можно сказать, что на рубеже 60-х гг. прошлого века политика коммунистического руководства Китая переживала системный кризис и по существу оказалась в глубоком тупике. Отношения с Западом, прежде всего, с США были, как тогда казалось, непоправимо испорчены, начиная с прихода коммунистов к власти, Корейской войны, постоянной напряжённости в Тайваньском проливе, громогласного обличения «американского империализма» и презрительного изображения его «бумажным тигром». Отношения с Москвой вступили в период явного охлаждения, хотя ещё не достигли уровня идеологического разрыва и обвинений СССР в отступлении от марксизма и пособничестве империализму. Попытки Пекина продолжить выдохнувшуюся модернизацию за счёт мобилизации собственных скудных ресурсов путём ухода в самоизоляцию, методами политики «большого скачка» и бесчеловечной «культурной революции» закончились сокрушительным провалом, огромными человеческими жертвами и развалом экономики Китая.

Сакраментальный вопрос «кто виноват, и что делать» в условиях режима личной власти Мао Цзедунa имел свою специфику. Председатель КПК никогда не был приверженцем марксизма в полном смысле этого слова, как родившейся на Западе строгой научной системы взглядов. Известно, что в шутку или всерьёз он любил, закончив очередную «гениальную» статью, обратиться к главному идеологу партии Чень Бода со словами: «Добавь сюда марксизма». Своё политическое вдохновение он черпал из сокровищницы многовекового опыта классической китайской философии, которую он хорошо знал и, как рассказывали встречавшиеся с ним иностранные гости, часто любил цитировать её авторов. Достаточно взять лишь приобретшее особую популярность в наше время «Искусство стратегии» Сунь Цзы, которая, как известно, была настольной книгой основателя ЦРУ Алена Даллеса, чтобы понять, что исторически китайская политическая мысль всегда отличалась большой интеллектуальной гибкостью и свободой, неприятием идеологических догм и прагматизмом. По мысли Сунь Цзы,

высказанной две с половиной тысячи лет тому назад, политика есть «борьба из-за выгоды. Получение выгоды и есть победа» [9].

Трудно сказать, когда точно в голове «великого кормчего» созрел новый «великий замысел», означавший коренной стратегический поворот во внешней политике Китая в интересах его дальнейшей модернизации. Повторимся, в политике нет вечных врагов и союзников, а нравственность редко берёт верх над целесообразностью. С точки зрения развития Китая, выбор был ограничен: после всех проб и ошибок единственным источником модернизации мог быть только капиталистический Запад, прежде всего, США, числившие Мао и его сподвижников среди своих заклятых врагов. Поистине нужно было обладать византийским коварством, изощрённым умом и глобальным видением мировых противоречий, чтобы убедить Вашингтон в новом курсе Пекина.

«Ловушка Мао»

По аналогии с «ловушкой Фукидида» можно говорить о «ловушке Мао», в которую не преминули угодить Соединённые Штаты. Особенность практических американцев в том, что они не любят заглядывать далеко за горизонт и предпочитают расставлять риски, вызовы и угрозы по их значимости, актуальности и приоритетам на данный момент. В эпоху биполярного мира в центре американской стратегии, естественно, находился Советский Союз как главный идеологический и геополитический противник, борьбе с которым были подчинены все силы и средства Америки. Это, как принято говорить, «туннельное виденье» создавало известную уязвимость Вашингтона при разыгрывании различных дипломатических комбинаций внешними силами – от мелких игроков из числа развивающихся стран («доить двух маток») до больших и влиятельных держав, таких как Китай.

В Пекине, конечно, понимали, что одних заверений в дружеских намерениях американцам будет недостаточно, чтобы поверить в искренность перехода китайского руководства на рельсы сотрудничества с Западом. Нужно были более «весомые» аргументы. Таким решающим аргументом, который очень высоко ценился в Вашингтоне, мог быть только разрыв отношений с Советским Союзом, подкреплённый практическими действиями. К этому времени идеологический конфликт между КПСС и КПК, почти как религиозный «схизм», бушевал уже полным ходом и стороны публично обвиняли друг друга в ревизионизме и гегемонизме, забвении революционных принципов. Кстати говоря, в отечественной литературе того и более позднего периода, идеология как первопричина советско-китайских разногласий, а также борьба за лидерство в международном коммунистическом движении, преподносятся как основная и решающая для последующих трагических событий в жизни народов двух стран.

То есть вполне в духе ушедшей эпохи «борьбы двух систем» идеологические противоречия ставились выше геополитических. На самом деле Мао Цзедун безо-

шибочно разыгрывал карту антисоветизма в свою пользу и сумел переиграть таких искушённых политических игроков, какими были президент США Р. Никсон и его госсекретарь Г. Киссинджер. Правда, для полной убедительности пришлось пустить в ход «последний довод королей», как было начертано на пушках в эпоху Людовика XIV, и развязать военные действия против СССР на советско-китайской границе в 1969 г., повязавших большой кровью намечавшееся американо-китайское сближение. Это, видимо, окончательно убедило Вашингтон, что переориентации Пекина на Запад и его разрыв с СССР произошли «всерьёз и надолго». Неслучайно синхронизация дипломатических шагов со стороны США, потрясших мировые столицы, происходила вслед за кровавыми событиями на Уссури, на острове Даманский (он же Чжэньбаодао). «Начиная с лета 1969 г. Соединённые Штаты и Китай стали обмениваться некими жестами доброй воли» [6], поведал в своем фундаментальном труде «О Китае» в то время госсекретарь США Генри Киссинджер. В июле 1971 г. состоялся сверхсекретный визит Киссинджера в Пекин и его переговоры с Мао Цзедунем, за которыми последовал и визит самого президента Р. Никсона.

На основе своих записей бесед Киссинджер прослеживает, как складывался «стратегический альянс» с Китаем на основе совместной борьбы «с советским гегемонизмом» вплоть до туманных намёков с американской стороны, что США не останутся в стороне в случае нового военного обострения китайско-советских отношений, в которое США, судя по всему, очень верили. В свою очередь, Мао на этих встречах разыгрывал полюбившуюся ему роль «отца нации», далёкого от каждодневной политической суеты, или «учителя», каким он хотел остаться, по его словам, в памяти китайцев, и перенапрягал прозаичных американцев бесконечными цитатами из Конфуция и другой премудростью из тысячелетней истории Китая. О практических делах американцы предпочитали говорить с премьером Чжоу Эньлаем.

Воспользуемся исторической ретроспективой и зададим вопрос: удалось ли китайцам тогда усыпить бдительность подозрительных американцев? Судя по воспоминаниям Киссинджера, у них и тени сомнения не было, что советско-китайскому альянсу раз и навсегда пришёл конец. Прямо-таки по формуле Сунь Цзы: «Союзники – это враги, у которых есть общий враг». Смерть Мао в 1976 г., конечно, вызвала в Вашингтоне некоторую неуверенность в продолжении его линии и боязнь наступления периода анархии и фракционной борьбы в Китае. Но приход к власти Дэн Сяопина, продолжившего в общих чертах внешнеполитический курс своего предшественника, быстро успокоил Вашингтон, как, впрочем, ещё в большей степени и конкретные действия преемников Мао, будь то против интересов СССР в Афганистане или развязанная ими агрессия против многострадального Вьетнама в 1979 г. за его стремление избавить камбоджийский народ от преступной клики Пол Пота. Последнее с эмоциональной точки зрения особенно высоко котировалось в Вашингтоне после позорного поражения американцев во Вьетнаме и поспешного вывода оттуда своих войск.

В итоге круг замкнулся. Начатый Мао стратегический поворот принёс долгожданные плоды, открыл двери для качественно нового этапа китайской модернизации на основе передовых западных технологий и хлынувшего потока инвестиций. С Китая было снято клеймо враждебного государства, пересмотрен запретительный список КОКОМ, предоставлена государственная поддержка американским корпорациям, приступившим к освоению колоссального китайского рынка. Американцы упорно внушали себе, что за введением рыночных отношений и известной экономической либерализацией неизбежно последует и политическая либерализация на американский манер, что, разумеется, подразумевает, прежде всего, отказ от однопартийной системы, руководящей роли КПК и принятие «ценностей» либеральной демократии.

Хотя едва ли кто из американских авторов готов даже сегодня это признать, США в силу идеологической предвзятости и ограниченности своего виденья допустили колоссальный стратегический просчёт, и начавшийся процесс превращения Китая в развитое современное государство вскоре был уже неостановим. События на площади Тяньаньминь в Пекине в июне 1989 г. и их трагический финал лишь подтвердили, что китайское руководство готово применить силу, чтобы избежать новой внутренней смуты и сохранить стабильность общества.

Другим неприятным сюрпризом для Вашингтона в преддверии нового тысячелетия стала постепенная нормализация российско-китайских отношений на основе общности и координации экономических и геополитических интересов двух стран вплоть до установления между ними «стратегического партнёрства», что, ко всему прочему, ясно говорило, что идеологический фактор не играл принципиальной роли в обострении советско-китайских отношений в прошлом и был лишь предлогом. Посткоммунистическая Россия и социалистический Китай не испытывали идеологических трудностей в укреплении своих отношений. Маятник китайской внешней политики вновь резко качнулся.

Альтернативный мир

XXI в. не стал апофеозом однополярного мира, торжеством либерального миропорядка, который Вашингтон провозгласил с окончанием холодной войны. США явно переоценили свои силы и недооценили возвышение других участников мировой политики. Закон неравномерности развития государств доказывал свою неизменную действенность. В Вашингтоне, вероятно, заключили, что история остановилась с выходом США на уровень единственной сверхдержавы, и мир покорно принял их доминирование. Стремление добиваться решения всех мировых проблем на американских условиях или, как образно говорил Дж. Кеннан, «держат свой палец в каждом пироге», привело США к перенапряжению сил и насторожило даже многих их союзников и партнёров, особенно с приходом в Белый дом президента Трампа, провозгласившего националистический лозунг «Америка превыше всего».

Мир оказался перед серьёзным выбором. Может быть, впервые речь идёт о необходимости перераспределения власти и могущества на мировом Олимпе по согласованию или, если угодно, «по умолчанию», между основными игроками, по возможности без потрясений с оглядкой на реальности ядерного века и на имеющиеся военные потенциалы великих держав. Можно сказать, что это могла бы быть не полная реконфигурация старого миропорядка с обычными в таких случаях победителями и проигравшими, а скорее, то, что министр иностранных дел России князь А.М. Горчаков, говоря об интересах России после поигранной ею Крымской войны, осторожно называл «улучшенным статус-кво» [5].

Пока, к сожалению, приходится говорить скорее о столкновении противоположных тенденций в мировой политике, нежели о реальных шагах в указанном направлении. Соединённые Штаты идеализируют зафиксированный по итогам холодной войны статус-кво, обеспечивающий их доминирование, и объявляют любого, кто ставит под сомнение лежащие в его основе «правила» и «нормы», своими «противниками» и «ревизионистскими державами», подрывающими международный порядок, якобы устраивающий всё международное сообщество. Именно подобного рода оценки закреплены на государственном уровне администрацией президента Трампа впервые в «Стратегии национальной безопасности» (декабрь 2017 г.) и «Стратегии национальной обороны» США» (февраль 2018 г.), которые переносят центр тяжести с антитеррористической борьбы на возвращение противоборства великих держав и объявляют своими главными «ревизионистскими» противниками Китай и Россию.

Между тем в истории было немало примеров, когда соперничающие великие державы не хотели мириться с существующими реалиями и терпеливо выжидали, когда наступит подходящий момент для их пересмотра в свою пользу. Когда в результате франко-прусской войны 1870 г. французы потеряли Эльзас и Лотарингию, известный политик Леон Гамбетта, будущий премьер-министр и министр иностранных дел Франции, говорил: «Всегда об этом помнить, и никогда об этом не говорить». Париж терпеливо ждал своего часа, пока не вернул себе эти территории у кайзеровской Германии после Первой мировой войны, чтобы вновь отдать их немцам в 1940 г. и вернуть, надо думать, уже навсегда, с разгромом гитлеровской Германии.

Другой пример – раскол и объединение Германии во второй половине XX в. После создания двух германских государств – ФРГ и ГДР, за Западной Германией прочно закрепилось название «реваншистского» государства за нежелание его властей в Бонне признать существование другого германского государства. В конце концов, признать легитимность ГДР всё-таки пришлось, а уже потом, волею известных исторических событий, которые одни историки называют аннексией или поглощением, а другие – воссоединением, объединением мирным путём всё-таки состоялось благодаря доброй воле Советского Союза, хотя на это и потребовалось сорок лет.

На фоне этих и многих других исторических примеров не выдерживают критики и обвинения России в подрыве европейского порядка и стремлении воскресить Советский Союз, которые взяты на вооружение США и другими странами НАТО после начала острого кризиса на Украине в 2014 г., повлёкшего за собой воссоединение Крыма с Россией. Видимо, потребуется время, чтобы коллективный Запад признал особое историческое место Крыма в составе российского государства и не ставил под сомнение право населения полуострова на самоопределение в ходе состоявшегося референдума, чтобы избежать избирательного применения международного права.

После мирной передачи Гонконга КНР актуальной остаётся и задача воссоединения Тайваня с КНР по формуле «одна страна – две системы». Когда Вашингтон настаивает на следовании Пекином нормам и правилам порядка, сложившегося после Второй мировой войны под американским руководством, то китайцы резонно замечают, что они не участвовали в его выработке, а, следовательно, не могут отвечать и за результаты. Бывший председатель Объединённого комитета начальников штабов США М. Дэмпси свидетельствовал: «Всякий раз, когда я заводил с китайцами разговор о международных нормах или правилах поведения на международной арене, они неизменно указывали на то, что эти правила установлены, когда они не были участниками мировой политики...» [13].

Упорное нежелание США поделиться властью с новыми претендентами на участие в мировом управлении в рамках модели многополярного или полицентричного мира чревато серьёзными последствиями для международной стабильности. Более того, явно заблуждаясь в отношении своих реальных возможностей и недооценивая растущие возможности своих конкурентов, США ужесточают свои подходы, антагонизируют всё большее число государств и тем самым толкают мир к новому опасному расколу. К сожалению, история повторяется. Обычно, вступившие в пору заката гегемоны упорствуют в своём непризнании новых реальностей и, в погоне за ускользающим величием, совершают одну стратегическую ошибку за другой.

Между тем, в прошлом геополитическое положение США никогда не было столь уязвимым как сегодня, когда США добровольно записали в круг своих главных врагов две крупнейшие ядерные державы, членов Совета Безопасности ООН – Россию и Китай. В былые времена американские руководители всегда умели вовремя примкнуть к одной из сторон назревающего конфликта, чтобы склонить маятник в свою пользу и в финале оказаться в стратегическом выигрыше «на правильной стороне истории». Рано или поздно США грозит самоизоляция, если, конечно, не преувеличивать готовность ведущих европейских членов НАТО положить своё благополучие и безопасность на алтарь американских интересов. Острее всего критические ноты в адрес Вашингтона стали звучать со стороны Берлина с приходом в Белый дом администрации Трампа. Европе пора избавиться от иллюзий и полагаться на собственные силы, считает канцлер ФРГ А. Меркель.

На что рассчитывают в Вашингтоне? На то, что удастся, действуя по старой формуле «разделяй и властвуй», ослабить своих главных противников по одиноким? Несмотря на всю антикитайскую риторику Трампа в период его предвыборной кампании, своего основного противника пока Вашингтон видит в лице России, как более мощной военной силе и более искушённом геополитическом конкуренте. По всем признакам, Китай рассматривается как более долговременная и более мощная в экономическом отношении угроза, способная нарастить военную мощь и осуществить экономическую экспансию в регионах традиционного американского господства – от «Индо-Тихоокеанского региона», как стало модно говорить при Трампе, до Латинской Америки. Учитывая, что американское благополучие и внутренняя стабильность находятся в прямой зависимости от результатов деятельности крупных корпораций за рубежом, нарастающая торгово-экономическая экспансия Пекина рассматривается как смертельная угроза для американских интересов и реальная опасность вытеснения США с мирового рынка.

Непривычность для США противостояния «на два фронта» в Европе и в Азии вызывает повышенную нервозность американской элиты, её замешательство и стратегические метания, повышенную нагрузку на внутренние институты. Начавшийся новый этап гонки вооружений после периода относительного затишья в результате стремления США создать абсолютные преимущества для себя ценой новых огромных военных расходов на создание глобальной системы ПРО не учитывает, что на этом витке им придётся иметь дело с усиливающейся кооперацией военно-промышленных комплексов России и Китая и известной координацией ими своих военных усилий, хотя формально стороны избегают говорить о существовании между ними военного альянса. Теперь уже американская экономика может не выдержать такой повышенной нагрузки противостояния двум великим ядерным державам и оказаться «разорванной в клочья», что ещё недавно президент Обама предрекал России.

Но самое тревожное для американской элиты всё-таки даже, видимо, не это, а реальная перспектива формирования многополярного мира как альтернативы американской гегемонии на основе однополярности. Судя по всему, мягкого перехода «по согласию» к новому, более демократическому мироустройству в обозримом будущем не предвидится. Соединённые Штаты полны решимости и дальше сохранять своё привилегированное, доминирующее положение в мире, чего бы это им ни стоило, хотя всё указывает на то, что возможности этого всё больше сужаются.

В этих условиях мировые события начинают идти в обход, в сторону создания альтернативной международной системы и новых финансовых, экономических и политических институтов. Появляется всё больше признаков того, что глобализация, скроенная по односторонним лекалам как «американский проект», если использовать терминологию З. Бжезинского, явилась временным явлением, пока в ней не разочаровалось изрядное число стран, а её закат вызывает

опасения нового раскола единого мира по типу биполярности в эпоху холодной войны.

Очертания этой альтернативной системы, куда не вошли Соединённые Штаты и которая уже существует как бы параллельно с возглавляемым США мировым либеральным порядком, становятся всё более различимыми. Это система новых международных организаций, таких как БРИКС, ШОС, ЕАЭС, пользующихся большой популярностью в странах так называемой «промежуточной зоны», возникновение качественно новых финансовых институтов вне рамок Бреттон-Вудской системы с их опорой на МВФ и МБРР и господство американского доллара в качестве мировой резервной валюты, таких как Азиатский банк инфраструктурных инициатив и Банк БРИКС, появление перспективных региональных и трансконтинентальных инфраструктурных логистических проектов.

Среди последних особое беспокойство в Вашингтоне вызывает китайский проект «Один пояс, один путь» и его возможное сопряжение с экономическими проектами в рамках Евразийского союза, имеющими не только торговое, но и большое геополитическое значение. Этот проект с объёмом планируемого финансирования в 1 трлн долл., призванный в XXI в. связать наземным маршрутом Китай с Европой там же, где в прошлом проходил знаменитый трансконтинентальный караванный Шёлковый путь, на Западе сравнивают с послевоенным «планом Маршалла» по своим политическим и экономическим последствиям для Евразии. По мнению журнала «Экономист», «эта инициатива предполагает принятие странами разрешение споров на основе китайских правил. Если сегодняшние западные нормы разойдутся с китайскими амбициями, то этот механизм станет альтернативой. В данном случае Китай поступает как региональная сверхдержава, нацеленная на вытеснение Америки из Восточной Азии» [14].

Пока рано говорить, примут ли обозначившиеся тенденции законченные очертания, но всё указывает на то, что процесс укрепления альтернативной системы будет идти по нарастающей. Появились и ощутимые признаки колебаний и сомнений в большой группе стран, не претендующих на самостоятельную политику и обычно примыкающих в переломный исторический момент к наиболее сильному, в данном контексте к США, что в прошлом, как правило, недвусмысленно свидетельствовало о приближении смены мировых лидеров. Судя по всему, возрождаются традиции времён холодной войны, когда противостояние двух блоков, двух сверхдержав позволяло ряду стран успешно маневрировать между ними к своей выгоде. Авторитет Америки явно тускнеет и даже в трансатлантической солидарности наметились заметные трещины, особенно после прихода в Белый дом Трампа и его импульсивных политических и торгово-экономических действий.

Пока ещё трудно сказать, что из себя будет представлять «мир после Америки», как назвал свою книгу известный американский политолог Ф. Закария [4]. Скорее всего, его развитие пойдёт эволюционным путём с учётом реалий ядерного века и более равномерного распределения сил в группе ведущих госу-

дарств. Однополярный мир, в силу особых исторических обстоятельств, явился уникальным явлением, которое едва ли может повториться. Да и трудно себе представить, чтобы кто-то из возвышающихся государств мог ставить перед собой такую неблагодарную и весьма затратную задачу. Это не означает, что некоторые государства, как, например, Китай, не смогут реализовать свой возросший потенциал и претендовать на роль региональных гегемонов в обозримом будущем [18].

Тем не менее, не впадая в политический идеализм, с большой долей уверенности можно надеяться, что в мире восторжествует новый, улучшенный миропорядок на основе равновесия интересов и равноправия государств, и их коллективной ответственности за судьбы мира. В конце концов, закат старой эпохи – это ещё не конец света.

Список литературы:

1. Борисов А.Ю. Война и победа: как рождался послевоенный мир // Новая и Новейшая история. 2015. № 2. С. 3-23.
2. Борисов А.Ю. Под кодовым названием «Терминал». К 70-летию Берлинской (Потсдамской) конференции // Новая и Новейшая история. 2014. № 3. С. 57-78.
3. Громько А.А. Памятное. Испытание временем. Кн. 2, М.: Центрполиграф, 2015. 576 с.
4. Закария Ф. Постамериканский мир. М.: Европа, 2009. 280 с.
5. Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М.: Международные отношения, 1998. 403 с.
6. Киссинджер Г. О Китае. М.: Neoclassic, Астрель, 2012. 640 с.
7. Примаков Е. Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. 448 с.
8. Примаков Е. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2007. 368 с.
9. Сунь Цзы. Классические труды. Искусство стратегии. Древнекитайские трактаты, ставшие основой целого ряда управленческих теорий. М.: Эксмо 2008. 525 с.
10. Хрущёв Н. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 2007. 509 с.
11. Brendon P. The Decline and Fall of the British Empire. 1781 – 1997. London: Vintage Books Publ., 2008. 332 p.
12. Graham A. China vs. America. Managing the Next Clash of Civilizations // Foreign Affairs, September/October 2017.
13. Graham T. The Sources of Russian Conduct // The National Interest, 24.08.2016.
14. How the West Got China Wrong // Economist, 03.03.2018.
15. Ikenberry J.G. The Restructuring of the International System After the Cold War // The Cambridge History of the Cold War. Vol. 111. Ed. by Melvyn P. Lefeler and Odd Arne Westad. Cambridge Univ. Press, 2010. Pp. 535-536.
16. Kissinger H. The World Order. New York: Penguin Books, 2014. 432 p.
17. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987. 677 p.
18. Lind J. Life in China's Asia. What Regional Hegemony Would Look Like / Foreign Affairs, January/February 2018.
19. Madeltine A. Madame Secretary with Bill Woodward. New York: Hyperion, 2003. 562 p.
20. Meacham J. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York: Random House Trade Paperbacks, 2004. 490 p.
21. Owen D. The Hubris Syndrome: Bush, Blair and the Intoxication of Power. Methuen, 2012. 228 p.
22. Rose L. After Yalta. America and the Origins of the Cold War. New York: Charles Scribner's Sons, 1973. 216 p.
23. Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior. Emerging New Context for US Diplomacy. Vol.1. Washington: University of Michigan Library, 1979. 644 p.

Об авторе:

Александр Юрьевич Борисов – д.и.н., профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

AMERICA IN THE WORLD AFTER HEGEMONY

A.Y. Borisov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-16-47

Moscow State Institute of International Relations (University)

There are a variety of literatures that illuminate the logic and character of the post -Cold War transformation of the global system. One literature explores the rise and decline of the great powers and the international orders that they establish and dominate.

This paper explores the evolution of the international system in historical perspective with particular emphasis on the role of the United States before and after the end of the Cold War against a backdrop of broader global context.

It concentrates on the end of bipolarity and the emergence of unipolar system with American dominance and hegemony and its further decline. Washington failed to endorse with practical means its declared goal of "benign hegemon".

The author makes a comparative analysis between the dawn of the British Empire and current stage of crisis development of the United States with principal issue of transformation of the world order from unipolarity to multipolarity or from single power dominance to a more balanced international system.

The paper also touches upon the strategic errors the American elite has made in its relationship with Russia and China referring to them as "adversaries and revisionist powers" hostile to the US. America shortsightedly opened the gates of modernisation before China in the vain hope to make it an ally against the Soviet Union only to be disappointed later. And it underestimated the significance of rapid Russian assertion after the break up of the Soviet Union only to have a unique situation of "two fronts" in American history.

As a result of his research the author comes to a conclusion and thoroughly substantiates it with facts that a new world order emerges which can be referred to as "improved status -quo" or alternative order with new economic, financial and political institutions in sight as opposed to the old Breton - Woods system of post WW2 American dominance. Still the open question persists whether this transformation can be peaceful and consensual or fraught with new hardship for the people and even military confrontation among great powers.

Key words: world order, unipolar, Hubris, multipolar, polycentric, hegemonism, the USA, Russia, China, geopolitics.

References

1. Borisov A.Yu. *Voyna i pobeda: kak rozhdalsya poslevoenny mir* [War and victory: how the post-war world was born]. *Novaya i Noveyshaya istoriya*, 2015, no. 2, pp. 3-23. (In Russian).
2. Borisov A.Yu. *Pod kodovym nazvaniem «Terminal»*. K 70-letiyu Berlinskoy (Potsdamskoy) konferentsii

- [Code-named “Terminal.” To the 70th anniversary of the Berlin (Potsdam) Conference]. *Novaya i Noveyshaya istoriya*, 2014, no. 3, pp. 57-78. (In Russian).
3. Gromyko A.A. *Pamyatnoe. Ispytanie vremenem*. Kn. 2 [Memorable. The test of time. Book. 2]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 576 p. (In Russian).
 4. Zakariya F. *Postamerikanskiy mir* [The post-American world]. Moscow, Yevropa Publ., 2009. 280 p. (In Russian).
 5. *Kantsler A.M. Gorchakov. 200 let so dnya rozhdeniya* [Chancellor A.M. Gorchakov. 200th anniversary of his birth]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1998. 403 p. (In Russian).
 6. Kissindzher G. *O Kitae* [About China]. Moscow, Neoclassic, Astrel Publ, 2012. 640 p. (In Russian).
 7. Primakov Ye. *Gody v bolshey politike* [Years in big politics]. Moscow, Kollektiya «Sovershenno sekretno» Publ., 1999. 448 p. (In Russian).
 8. Primakov Ye. *Minnoe pole politiki* [The minefield of politics]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 368 p. (In Russian).
 9. *Sun Tszy. Klassicheskie trudy. Iskusstvo strategii. Drevnekitayskie traktaty, stavshie osnovoy tselogo ryada upravlencheskikh teoriy* [Sun Tzu. Classical works. The art of strategy. Ancient Chinese treatises, which became the basis of a number of managerial theories]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 525 p. (In Russian).
 10. Khrushchev N. *Vospominaniya. Izbrannyye fragmenty* [Memoirs. Selected fragments]. Moscow, Vagrius Publ, 2007. 509 p. (In Russian)
 11. Brendon P. The Decline and Fall of the British Empire. 1781 – 1997. London: Vintage Books Publ., 2008. 332 p.
 12. Graham A. China vs. America. Managing the Next Clash of Civilizations // *Foreign Affairs*, September/October 2017.
 13. Graham T. The Sources of Russian Conduct // *The National Interest*, 24.08.2016.
 14. How the West Got China Wrong // *Economist*, 03.03.2018.
 15. Ikenberry J.G. The Restructuring of the International System After the Cold War // *The Cambridge History of the Cold War*. Vol. 111. Ed. by Melvyn P. Lefeler and Odd Arne Westad. Cambridge Univ. Press, 2010. Pp. 535-536.
 16. Kissinger H. *The World Order*. New York: Penguin Books, 2014. 432 p.
 17. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York: Random House, 1987. 677 p.
 18. Lind J. Life in China's Asia. What Regional Hegemony Would Look Like / *Foreign Affairs*, January/February 2018.
 19. Madeltine A. *Madame Secretary with Bill Woodward*. New York: Hyperion, 2003. 562 p.
 20. Meacham J. *Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship*. New York: Random House Trade Paperbacks, 2004. 490 p.
 21. Owen D. *The Hubris Syndrome: Bush, Blair and the Intoxication of Power*. Methuen, 2012. 228 p.
 22. Rose L. *After Yalta. America and the Origins of the Cold War*. New York: Charles Scribner's Sons, 1973. 216 p.
 23. *Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior. Emerging New Context for US Diplomacy*. Vol.1. Washington: University of Michigan Library, 1979. 644 p.

About the author:

Alexandr Y. Borisov – Doctor of Historical Science, professor, MGIMO, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.